

Дмитрий Владимирович Березняков

*Новосибирский государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
✉ bereznyakov@ngs.ru*

Сергей Васильевич Козлов

*Новосибирский государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
✉ feld@ngs.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-15-20

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ «СВЕРХУ» В ПЕРСПЕКТИВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Бум исследований политического использования прошлого, который разворачивается в общественных науках последние десятилетия [Сафронова, 2018; Фелькер, 2018], активно подстегивается нарастающей конфликтогенной деятельностью различных государственных и связанных с ним других мнемонических акторов как в нашей стране, так и за рубежом. Эта деятельность, с одной стороны, дает исследователям богатый материал для сравнительного анализа национальных вариантов политики памяти [Политика памяти..., 2020], однако, с другой стороны, вовлекает их в качестве экспертов и разработчиков конкретных версий этих политик в актуальный политический процесс. Такая ситуация, безусловно, провоцирует очевидные внутренние ценностные конфликты между клиентоориентированностью института экспертизы и приверженностью конкретных ис-

следователей принципам научного объективизма и собственным мировоззренческим установкам. Как язвительно отмечал в свое время классик теории пропаганды Г. Лассуэлл, «легкость, с какой честные и ловкие руки могут облекать дело в ту или иную форму по любую сторону спора, не оставляет сомнений в том, что в будущем пропагандист может рассчитывать на целый батальон честных профессоров, когда нужно будет переписать историю, обслужить актуальные требования момента и снабдить его материалом для широкого распространения» [Лассуэлл, 2021. С. 19]. В любом случае мы можем наблюдать различные варианты данных ценностных и мировоззренческих конфликтов, что во многом влияет на саму структуру поля профессионалов, решивших для себя выступить в роли мнемонических акторов.

В свою очередь акцент на мнемонических акторах как генераторах нарративов и менеджерах [McQuaid, Gensburger, 2019] политики памяти формирует определенную исследовательскую оптику анализа данной сферы символической политики. В ее границах эта сфера становится своего рода монополией элит, которые и являются подлинными творцами и хозяевами дискурса, контролируя как сам механизм производства нарративов в различных секторах культурных индустрий, так и каналы их трансляции широким социальным аудиториям (в первую очередь в системе образования и массовой культуры). Как констатирует в своем исследовании О. Ю. Малинова, «большинство исследователей признают, что участие в „политике памяти“ — удел элит, которые располагают символическим капиталом, придающим авторитет их высказываниям, и имеют доступ к инструментам коммуникации» [Малинова, 2015. С. 27].

При этом нетрудно заметить, что такая деятельность элит и связанных с ними мнемонических акторов, или своего рода политика исторической памяти «сверху», превращается в согласованную устойчивую систему создания идеологического контента, подлежащего потреблению со стороны общества, которое, в свою очередь,

призвано использовать эти тексты в качестве символических ресурсов построения своей коллективной идентичности. Иными словами, возникает своего рода конвейер по производству и потреблению доминирующего идеологического нарратива, материализованного в различного типа текстах. Такое «конвейерное понимание» предполагает, что политика памяти — это вменение созданных элитами текстов социальным аудиториям, где главными функциональными элементами всей цепи являются производство, информирование и контроль за распространением и потреблением продукции эффективно работающей агитационно-пропагандистской машины.

В этой версии политики памяти «сверху» можно выделить несколько ключевых характеристик:

а) элитам и мнемоническим акторам приписывается коммуникативный статус коллективного субъекта, или односторонняя агентность, т. е. способность генерировать идеологические коды, доминантные смыслы и символы, а также контролировать процессы их распространения;

б) в свою очередь социальные аудитории на другом конце коммуникативной цепи предстают пассивными объектами индоктринации, это потребители не ими созданных смыслов, лишённые символических и коммуникативных ресурсов для формирования собственной публично-политической агентности;

в) сама политика памяти — это однонаправленная линейная коммуникация, которая транслирует информацию, или в нашем случае нарративы, созданные мнемоническими акторами.

Необходимо подчеркнуть, что выделенные характеристики в целом корреспондируют с трансмиссионной моделью массовой политической коммуникации, которая в первой половине XX века стала концептуальной основой для разработки теорий пропаганды и манипулирования общественным мнением. Политика памяти в этой перспективе может быть рассмотрена как частный случай массово-пропагандистской деятельности элит, экспертов и медиа-профес-

сионалов, направленная на производство и распространение нарративов о коллективном прошлом макрополитической общности.

Ориентация на массовые аудитории как реципиента этой политики самым радикальным образом отличает такой формат политической коммуникации от средневековых и раннемодерных аналогов. Реконструируя политические ритуалы царской власти в России, Р. Уортман указывал на тот принципиальный факт, что абсолютистские театры власти с их разнообразными ритуалами, мифами и церемониалом были «спектаклем, исполнявшимся преимущественно для самих властвующих. Разные слои элиты собирались, чтобы торжественно отпраздновать свое коллективное властвование и оправдать его... прежде всего для самих себя... Элита создает и представляет свою, как назвал ее М. Саллинс, „героическую историю“, тогда как массы пребывают „вне истории“ и бессознательно следуют основополагающим символическим моделям своего общества» [Уортман, 2002. С. 20]. Однако постепенный переход от «безмолвствующего большинства» Средневековья [Гуревич, 1990] к уже не безмолвствующим «взрачиваемым массам» Современности [Хоффманн, 2018], связанный с процессами социальной модернизации, книгопечатной революцией и распространением грамотности в европейской культуре [Eisenstein, 1983], сформировал устойчивый запрос на символические механизмы поддержания политического господства национальных государств и империй с опорой на развитую инфраструктуру современных медиа и «печатного капитализма» [Андерсон, 2001]. Коллективные общности рассматриваются теперь как формируемые под воздействием разнообразных технологий объекты, имеющие свою историю, которую для них пишут профессионалы.

Необходимо отметить, что в рамках этой логики по-своему решается ключевой вопрос политической коммуникативистики о взаимодействии между элитами, институтами культуры и социальными аудиториями. Опираясь на анализ нидерландского коммуника-

тивиста Д. Маккуэйла (см. [McQuail, 1994. Р. 70]), можно говорить о так называемой модели доминирования, которая предполагает, что властные структуры и элиты контролируют медиа и институты символического производства, которые, в свою очередь, воздействуют на пассивные аудитории в интересах этих самых элит [Дьякова, 2002]. Сопряжение принципов трансмиссионной модели коммуникации и модели доминирования также предполагает, что сама политическая коммуникация (в том числе в аспекте политики памяти) опирается на наличие общего коммуникативного кода, который обеспечивает адекватные процессы кодирования и декодирования контента и эффективность тех форматов политики, которые транслируются сверху вниз.

Вместе с тем выделенные допущения отнюдь не являются предметом консенсуса в рамках политических исследований и имеют очевидную тенденцию выдавать «желаемое» элит и мнемонических акторов за «действительное» сложных процессов в области политики памяти, которая не является однонаправленным воздействием доминирующих групп, а представляет собой пространство конфликта, имеющего открытый финал, способный переформатировать само политическое пространство и перспективы мнемонических акторов.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2001. 288 с.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990. 396 с.

Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. 280 с.

Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М. : ИНИОН РАН, 2021. 237 с.

Пленарное заседание

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Сафронова Ю. А. Третья волна memorystudies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. М., 2018. № 3. С. 12–31.

Уртман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

Фелькер А. В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов // Политическая наука. М., 2018. № 3. С. 32–52.

Хоффманн Д. Л. Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

Eisenstein E. The Printing Revolution in Early Modern Europe. N. Y. : Cambridge University Press, 1983. 406 p.

McQuaid S. D., Gensburger S. Administrations of Memory: Transcending the Nation and Bringing Back the State in Memory Studies // International Journal of Politics, Culture and Society. 2019. № 32(2). P. 125–143. URL: <https://doi.org/10.1007/s10767-018-9300-3>.

McQuail D. Mass Communication Theory. An Introduction. L. : Sage, 1994. 448 p.